

УДК 81'374.2

DOI: 10.15393/j14.art.2017.98

Михайлова Любовь Петровна

Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
доцент кафедры русского языка,
кандидат филологических наук,
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

НЕЗАКОНОМЕРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ БЕЛОМОРЬЯ¹

Аннотация. В статье представлены функционирующие в беломорских говорах лексические варианты, отличающиеся от исходных слов отдельными фонетическими признаками, которые возникли в результате воздействия языков неродственной структурной организации. Автор ограничивается примерами лишь некоторых изменений фонемного состава слова: в области гласных — переходом [o] в [á], сопровождающимся изменением акцента, в области согласных — меной глухих-звонких звуков, в позиции начала слова — упрощением консонантных сочетаний. Приводятся краткие сведения по истории изучения лексики беломорских говоров.

Ключевые слова: диалектология; лексические варианты; фонетические процессы; этноязыковые контакты; севернорусские говоры; этимология.

Беломорские говоры, составляющие часть Поморской группы севернорусского наречия (по диалектному членению 1914 г.), охватывают северные районы у побережья Белого моря, включая Терский Берег Мурманской области, Карельское Поморье, северо-запад Архангельской области. Обособленные лингвистические явления, характеризующие Поморскую группу в сравнении с другими группами северного наречия, касаются прежде всего фонетического и морфологического уровней [37: 26].

Проводилось исследование беломорской лексики в историческом аспекте. И. А. Елизаровский, изучавший лексику беломорских актов XVI—XVII вв., характеризовал ее как многослойную в хронологическом отношении и подчеркивал немаловажный факт: «Общерусская лексика попала в Беломорье через посредство Новгородской Руси. Передатчиком новгородской народной лексики в Беломорье были переселенцы из Новгородчины, приходившие на Север в течение XII—XVI вв.» [26: 172]. Помимо классификации по тематическим группам и исторической интерпретации лексики исторических документов, исследователь приводит обширный список

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017 год.

лексем, употребляемых в живой речи жителей Беломорья, зафиксированных в течение 45 лет, начиная примерно с 1911 г., — всего 1008 единиц [26: 175—232]. Как в лексике исследованных памятников письменности, так и в архаических беломорских говорах отмечается несколько слоев: «1) слой наследственной лексики от родственных языков древнейшего времени; 2) слой народно-русской лексики; 3) слой заимствованной лексики из соседних языков» В группу заимствованных автор включает слова из «карельского, вепсов, коми, ненецкого, напр., *ворга, виска, инка, морда; шар, салма, малица, пимы, липты, малтать, чум* и пр.» [26: 234—235].

Среди исследователей лексики говоров Архангельской области, помимо И. А. Елизаровского, отметим таких ученых, как Н. С. Бондарчук [21], В. Я. Дерягин [25], Л. П. Комягина [25, 29], Е. А. Нефедова [34], Н. Г. Ильинская [27], И. Б. Качинская [28], А. В. Павлова [35]. Весьма существенный вклад в решение вопроса о своеобразии лексического состава территории Русского Севера внесли лексикографы А. О. Подвысоцкий [12], А. Н. Грандильевский [4], И. М. Дуров [5, 6], А. А. Жилинский [7], И. С. Меркурьев [9], К. П. Гемп [3], А. С. Герд [15], О. Г. Гецова [2], Н. Д. Кушков [8], С. А. Мызников [10] и др. Интерес представляет и выявление лексических различий внутри Поморской группы говоров, в связи с чем актуальным является внимание к особенностям беломорской лексики.

Настоящая статья посвящена русской лексике говоров Беломорья, которая может быть отнесена к разряду экстенциальных единиц — слов, отражающих фонетические процессы незакономерного характера, причина которых кроется в иноструктурном языковом воздействии.

Описание и интерпретация явлений, влияющих на внешний облик русского слова и приводящих к возникновению варианта исходного слова (*кóбра* > *кóвра* ‘кисть руки’) или к формальному отдалению новой лексической единицы вплоть до полного разрыва связей с первичной единицей (*слúдко* > *лúдко* ‘скользко, гладко’), продолжает оставаться актуальным. К настоящему времени накоплен значительный по объему материал, отражающий изменения фонемного состава слова, которые не могут быть объяснены внутренними процессами развития русского языка [33].

Модификации русского слова под влиянием прибалтийско-финских языков в беломорских, как и в других говорах Русского Севера и Северо-Запада, обусловлена несогласованностью системных признаков контактирующих языков, выражающейся, в частности, в характере начального слога в слове, в составе гласных и согласных звуков, в строении словоформы и т.п. Представим некоторые процессы, способствовавшие возникновению новых, в сравнении с более широко распространенными, лексических единиц.

В области гласных известен переход безударного [o] в ударный [á], как правило, в позиции первого слога.

В русских говорах функционирует значительное количество слов, в которых произносится ударный гласный [á] в соответствии с обычным для говора [o] с параллельным переносом ударения на начальный или предшествующий слог [32].

Изменение [o] в [á] в беломорских говорах представлено, например, такими соотносительными парами, в которых первый элемент является вариантом ко второму — исходному слову: *дáгада* ‘догадка, понимание’ Онеж. Арх. [2, вып. 10: 230] и *догáда* Пин. Арх. [2, вып. 11: 234]; *пáдволока* ‘пространство между потолком и крышей’ Беломор. [16, вып. 25: 126] и *подволóка* Белом., Кем., Лоух., Пуд. Карел., Тер., Канд. Мурман., Онеж. Арх., Баб., Волог., Кад., Вашк., Чер., Уст. Волог., Сол., Чуд. Новг., Кириш. Ленингр. [15, вып. 4: 617].

Данное изменение объясняется влиянием акцентологической системы прибалтийско-финских языков, с которыми контактируют русские говоры: при усвоении русских слов финноязычны-

ми аборигенами гласный [o] первого слога, становясь ударным, удлинялся и переходил в [á], ср. ранние заимствования: лив. *vabad* < *свобода*, фин., карел. *tappara*, водск. *tappora*, эст. *taper* < русск. *топор*. Начало славянско-финских контактов относят к VIII веку, «непосредственно после распада общеславянского единства в связи с продвижением северо-восточной части славянства на территории, занятые финно-уграми» [22: 27].

В области согласных мена звонких согласных на глухие и наоборот зафиксирована в начале XVII века английским путешественником Ричардом Джемсом [30]. В частности, отмечается мена звуков [с] и [з]: *озлоб*: «*ozlobe* — *озлоб* (~ *ослоп*)» Холмог. Арх. (30: 87), ср.: «*Ослоп* — толстая дубина, боевая палица. Засвидетельствовано с конца XV в.» (30: 217); *ослоп* 'большая палка, дубина, палица' Южн., Курск., Орл., Нижегород., Дон., Твер., Север., Вост., Забайкал. [16, вып. 21: 25]; *зыч* 'сыч': «*zich* — название совы — *зыч* (~ *сыч*)» Холмог. Арх. [30: 186], ср. *сыч*; *зухарь* 'сухарь': «*zuħħári*, gusc — сухарь — *зухáри* (~ *зухáрь*)» [30: 88], «Зухари, как и озлоб вл. сухари, ослоп — характерные особенности речи обрусевших ненцев, лопарей, составляющих часть населения холмогорского края» [30: 218], ср. *сухарь*; *приусá*: «*prioussa*, *kichige*, *molotil* — цеп — *приусá*, *кичиги*, *молотил* <о>» [30: 133]. «Такая триада синонимов для обозначения цепы — свидетельство сложно-скрещенного характера Холмогорского говора. Северным и специально архангельским можно считать слово *кичига*» [30: 234], ср. *приуза* 'молотильный цеп' Холмог. Арх. Арх., Новг., Петерб. [16, вып. 32: 41].

Незакономерная мена глухих и звонких согласных была яркой особенностью беломорских говоров в середине XX в., что подтверждается огромным материалом, собранным И. А. Елизаровским в селах Большие Озерки и Малые Озерки, находящихся в 120 км от Архангельска, «на старом карельском пути к берегу Белого моря» [26: 129]. Влиянием особенностей консонантизма карельского языка в северной части Карелии в начале XX века исследователь объясняет наличие в говоре этих сел таких слов, в которых наблюдается незакономерно возникший глухой согласный в соответствии со звонким: *самуш*, *папушка*, *столник*, *трушок*, *татинька*, *солтат*, *усатьна*, *колопушка*, *лошатушка*, *лотоцка*, *селетоцка*, ср.: *замуж*, *бабушка*, *столбик*, *дружок*, *дяденька*, *солдат*, *усадьба*, *голубушка*, *лошадушка*, *лодочка*, *селедочка* [26: 129]. Данная особенность известна не только беломорским говорам, но и другим северным и северо-западным русским говорам. Отмечая мена звонких — глухих в севернорусских диалектах, Б. А. Ларин, изучавший старохолмогорский говор в записях Р. Джемса, писал: «Объяснение этому надо искать в субстрате, так как языки угро-финской группы знают и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные — глухие слабые — звонкие), а в некоторых диалектах — утрату звонких, в других — озвончение глухих (например, в севернокарельских говорах озвончение *k* — *t* — *p* кратких в сильной позиции)» [30: 47]. Данные по другим говорам, в частности по псковским [24], свидетельствуют о менах глухих и звонких согласных в зонах активных контактов русского и прибалтийско-финского населения.

Изменение анлаута. Структура начала слова в соседних финно-угорских языках характеризуется отсутствием сочетаний согласных и некоторых одиночных согласных звуков в анлауте [31: 119]. В лексике беломорских говоров в анлауте слова ярко отражено упрощение сочетания согласных.

гл- > *л-*: *лей*, *ляй* и др. Кемским говорам известны частицы *лей* и *лей-ко*, которые в Словаре русских говоров Карелии [15] представлены как экстенциальные варианты, в которых отражено преобразование сочетания согласных в позиции анлаута в один звук, а именно *гл-* > *л-*. Вариант имеет более широкую географию, отражающуюся в пометах: *лей* Медв., Кем., Пуд., Прион., Кондоп.; ср. также другие единицы, функционирующие в говорах Карелии: *лей-кось* Медв., *ле-ка* Медв., *ляй* Прион., *ля* Медв., *ляй* Кондоп., Прион. [15, вып. 3: 108]. Исходными

для них являются слова, которые в пределах региональной лексической системы функционируют также в качестве вариантов: *глей* Пуд., *глей-ка* Пуд. Карел., *гле* Прион. Карел., *гле-ко* Онеж. Арх., *глей* Кем. Карел., *глей-ка* Медв. Карел. [15, вып. 1: 344].

Указанный процесс отражен в лексеме с корнем *луд-* < *гуд-*: *лудко* ‘скользко’ Кем. Карел. [16, вып. 17: 180]. В словах *луда* ‘ослепительная белизна снега при солнечном свете’ Кем., Онеж., Арх., *лудá* ‘ослепительный блеск, белизна’ Арх. [16, вып. 17: 177] актуализируется семантический признак ‘блеск’, имплицированный в значении ‘скользкий, гладкий’, ср. *гудко* ‘скользко, гладко’ Арх., Олон., Ленингр., *гудкий* ‘скользкий, гладкий’ Олон., Арх., *гудь* ‘голледица’ Олон. [16, вып. 6: 207], *гудеть* ‘лосниться’ Гд., *гудь* ‘что-н. гладкое, лоснящееся’ Гд. Пск. [13, вып. 6: 187]. Праслав. **gludьkьjь* является родственным литовскому *glaudùs* ‘гладко прилегающий’, *gludùs* ‘гладкий’ [19, вып. 6: 145], ср. также *гудá* ‘выглаженная волнами поверхность камня’ Арх. и латыш. *glūdus* ‘гладыш’, *gluda* ‘глина’ [16, вып. 6: 207].

В этимологическом аспекте интерес представляет слово *лúва* ‘морская водоросль’ Канд. Мурман., Кем. Карел. [15, вып. 3: 122], ср. *глив* ‘тонкий слой растений, которыми покрывается вода в реках, водоемах’ Тер. Мурман., *глев* ‘то же’ Пуд. Карел., *гливить* ‘цвести (о водорослях)’, *гливный*, *гливистый* ‘покрытый водорослями’ Тер. Мурман. [15, вып. 1: 338], *гливеть* ‘покрываться слизью в воде’, *гливной* ‘покрытый слизью’ Варзуга Тер. Мурман. [9: 33], Ср. также: *лúва* ‘низкое место, затопляемое водой’ Карел., Пудож. Олон., Сев. Урал, Том., Нарым. [16, вып. 17: 41], *лэва* ‘лужа’. Ср. Урал [16, вып. 16: 305].

Существуют разные гипотезы о происхождении слова *лива*: 1. *лива*, *лыва* ‘зыбкое, топкое место в болоте; лужа после дождя, густой лес на болотистой почве’ олонецк., арханг., кемск., вологодск., колымск., тоб., ‘принесенные течением водоросли’ костром., др.-русс. *лыва* ‘болото’ (XV в.) М. Фасмер, вслед за Калимой, считает заимствованием из финского, карельского *liiva* ‘ил, тина’ [18, вып. 2: 539]; 2. финское *liiva* ‘кашеобразная масса, грязь; ил, тина; гной’, возможно, заимствовано из германского *slīva-* ‘морская водоросль’ или балтийского *glīve-* ‘зеленая слизь водной поверхности; ил, тина’, в русские говоры заимствовано из людиковского говора карельского языка [20, т. II: 294]; (перевод наш. — Л. М.); 3. *лúва* ‘низкое болотистое место’ в говорах и памятниках письменности Белозерья связывается с коми-зырянским *лыа* ‘песок’ [38: 31].

Есть все основания предполагать, что слово *лúва* является этимологически родственным не только с балтийским, но и со славянским, ср.: н.-луж. *gliwk* ‘смола или клей (на вишневых и сливовых деревьях)’, болг. *глива* ‘вид мелкого съедобного гриба’ и названия грибов в сербохорв., словен., чеш., словц., др.-русс. *глива* ‘слизь, ил’ (XV в. ~ XIII в.); О. Н. Трубачев считает слав. **gliva* родственным литов. *glėivos* ‘слизь’, лтш. *glive* ‘зеленая слизь на воде’ [19, вып. 6: 130]. Ср. также данные русских говоров Карелии: *глив* ‘морской ил’ Тер., вариант *глеб* ‘плесень, слизь’ Пуд., Медв. Карел. [15, вып. 1: 338]. Следовательно, балто-славянское **gliv-* заимствовано в прибалтийско-финские языки в виде *liiva*. Ср. также *глев* Гд., Пск., *глевь* Пуст., *глей*, *глева* Локн., *глеб* и *глебь* ‘чешуя у рыбы’ Гд. Пск. [13, вып. 6: 178—179], *гливь* Новг., *глевь* Мст. — ‘слизь на рыбьей чешуе’, *глевной* ‘скользкий, о рыбе’ Мст. Новг. [11: 163].

Х. Шустер-Шевц предложил этимологию верхнелужицкого слова *liwki* ‘тепловатый’, возводя его к и.-е. **glei-/glu-* (слав. **glěvь/*glivь*) [39: 87—88]. Неоднородность славянского материала с начальным **g-* в позиции перед сонантами, представленный И. П. Петлевой [36], дает основания рассматриваемое слово *лúва* включать в примеры, «свидетельствующие об утрате этимологически исконного *g* в начале слова перед *r, l, n* (*m?*)» [36: 53].

По вопросу об этимологии слова *лúва*, следует добавить, что сходство семантики слов с корнем *лив-* и *глив-* говорит об активных контактах балто-славянского с прибалтийско-финским

языком-основой. Результатом явилось заимствование слова *лива* в прибалтийско-финский язык, сопровождаемое упрощением группы согласных в начале слова в соответствии с законами заимствующего языка. Русские говоры Севера усвоили прибалтийско-финское слово, явившееся фонетическим преобразованием балто-славянского заимствования, однако сохранили и исконное слово (*злев*).

гр- > *р-*: *рудный* 'урожайный' Белом., ср. *грудный* 'богатый урожаем, урожайный' Челяб., 'многочисленный, имеющийся в большом количестве' Беломор., Верхне-Тавд. Свердл., Колым. Якут. [16, вып. 7: 163], *руднѹть* 'начать литься с силой, хлынуть' Белом. Карел. [15, вып. 4: 576], ср. *грудный* 'обильный, дружный (о дожде)' Коптел. Свердл. [16, вып. 7: 163], *рѹхнѹть* 'упасть' Тихв. Ленингр., Чаг. Волог. [15, вып. 46 570], ср. общеизвестное *грѹхнѹться* 'упасть с шумом' [17, т. 3: 425]; ср. также: *рѹза* 'груз' Ряз. [16, вып. 35: 238], ср. *груз*.

пр- > *р-*: *рѹнѹть* 'отпрыгнуть, отпрянуть, шарахнуться' Тер. Мурман. [315, вып. 4: 613], ср. *прѹнѹться* 'сдвинуться с места, тронуться' Медв. Карел. [15, вып. 4: 338].

кс- > *с-*: *сенѣк* 'желудок семги' Кандалакша Мурман. [20: 142], *сенѣк* 'селезенка' Перм. [14, вып. 2: 330], ср. *ксень*, *ксеньѣ* 'внутренности рыбы' Тер., *ксень* 'внутренность рыбы' Варзуга Мурман. [9: 75], *ксенѣк* 'печень рыбы' Олон., *ксѣни* 'внутренности осетра, идущие на приготовление жира', р. Обь, *ксень* 'печень налима' и т.п. Алт., Том., Тобол., Сиб., [16, вып. 15: 373]. Возможно, известное сев.-зап. говорам *сень* 'кушанье из жареных с конопляным семенем грибов волнушек' [16, вып. 37: 177] отражает дальнейшее развитие семантики слова. Ср. также блр. диал. *ксень* 'желудок у щуки', чеш. *ksenec* 'желудок (особенно у некоторых рыб); плод', ст. польск. *ksieniec* 'желудок некоторых рыб, внутренности', словин. *ksině* 'рыбы внутренности, особенно кишки угря', восходящие к и.-е. корню **kut-s-* 'кислый, киснувший, портящийся (здесь — о внутренностях рыбы и т. п.)' [19, вып. 13: 245]. Таким образом, слово *ксень* относится к западнославянским, русскому и белорусскому языкам. Преобразование *кс-* > *с-* коснулось только северных и частично северо-западных говоров.

Приведенные фрагменты, характеризующие состав и своеобразие лексики беломорских говоров, показывают неоднородность языковой базы, на основе которой они сформировались. Не подлежит сомнению, что слово в его разнообразных вариантах, связях с другими языками и диалектами выступает как свидетель истории.

Описанные изменения, известные говорам Русского Севера, включая беломорские, составляют лишь небольшую часть явлений предшествующего состояния, которое после периода билингвизма в языке, по мнению А. С. Герда, было характерно для времени «перехода к иной монокультуре и в языке и в материальной культуре» [23: 416].

Реальная картина дистрибуции нерегулярных лексических единиц экстенциального характера свидетельствует об их повсеместном, хотя и неравномерном бытовании на территории русского языка, в частности, в русских говорах Беломорья.

Использованные словари

1. Аникин, А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири / А. Е. Аникин. — Новосибирск : Наука, 2003. — 788 с.
2. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. — Вып. 1—17. — Москва : Изд-во МГУ, 1980—2016.
3. Гемп, К. П. Словарь поморских речений / К. П. Гемп // Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. / К. П. Гемп. Вступ. ст. Д. С. Лихачева, Ф. А. Абрамова; Науч. ред. В. Н. Булатов; Подгот. С. Я. Косухина, Л. С. Скепнер. 2-е изд., доп. — Москва : Наука; Архангельск : Помор. ун-т, 2004. — С. 275—568.
4. Грандильевский, А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. pdf: Областной крестьянский говор (словарь) / А. Н. Грандильевский. — Москва : Книга по Требованию, 2012. — 306 с.
5. Дуров, И. М.. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / И. М. Дуров. — О. Соловки : Издво Типо-Лит. ЭКО СЛОН ОГПУ, 1929. — 180 с.
6. Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — 455 с
7. Жилинский, А. А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря / А. А. Жилинский. — Петрозаводск, 1957. — 60 с.
8. Кушков Н. Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика / Н. Д. Кушков. — Варзуга Мурманской области : Опимах, 2011. — 168 с.
9. Меркурьев, И. С. Живая речь кольских поморов / под науч. ред. Б. А. Богородского / И. С. Меркурьев. — Мурманск : Мурманское книжн. изд-во, 1979. — 184 с.
10. Мызников, С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря / С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 496 с.
11. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — XXVII, 1435 с.
12. Подвысоцкий, А. О. Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. О. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург: Издание Второго отделения Императорской академии наук, 1885. — 198 с.
13. Псковский областной словарь с историческими данными. — Вып. 1—8. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967—1990. — Вып. 9—26. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994—2016.
14. Словарь пермских говоров / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. — Вып. 1—2. — Пермь : «Книжный мир», 2000—2002.
15. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — Вып. 1—6. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1994—2005.
16. Словарь русских народных говоров / Сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. — Вып. 1—2. — Москва; Ленинград : Наука, 1965—1966; — Вып. 3—25. — Ленинград : Наука, 1967—1990; — Вып. 26—49. — Санкт-Петербург : Наука, 1991—2016.
17. Словарь современного русского литературного языка. — Т. 1—17. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948—1965.
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 1—4. — Москва : Прогресс, 1973.
19. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—39. — Москва : Наука, 1974—2014.
20. Suomen kielen etymologinen sanakirja. — О. 1—7. — Helsinki, 1955—1981.

Литература

21. Бондарчук, Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии / Н. С. Бондарчук. — Калинин : КГУ, 1978. — 84 с.
22. Востриков, О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке: Учеб. пособие по спецкурсу / О.В. Востриков. — Свердловск : УрГУ, 1990. — 100 с.
23. Герд, А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук / А. С. Герд // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — С. 409—416.
24. Глускина, С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах / С. М. Глускина // Псковские говоры. III. — Псков, 1973. — С. 35—51.
25. Дерягин, В. Я. Из истории географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах / В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина // Диалектная лексика 1971. — Ленинград : Наука, 1972. — С. 32-49.
26. Елизаровский, И. А. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. / И. А. Елизаровский, Архангельский гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1958. — 240 с.
27. Ильинская, Н. Г. К проблеме системных отношений в лексике: лексико-семантическая группа «Выпечные изделия» в архангельском диалекте: (семант. и лингвогеограф. аспекты) / Н. Г. Ильинская ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. — Москва : Диалог-МГУ, 1998. — 320 с.
28. Качинская, И. Б. Термины родства в мифологическом пространстве (по материалам архангельских говоров) / И. Б. Качинская // Вестник Пермского университета, 2015. — № 2 (30). — С. 16—26.
29. Комягина, Л. П. Лексический атлас Архангельской области / Л. П. Комягина ; Помор. междунар. пед. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. — 235 с.
30. Ларин, Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.) / Б. А. Ларин. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 424 с.
31. Лыткин, В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков / В. И. Лыткин // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). — Москва : Наука, 1974. — С. 108—213.
32. Михайлова, Л. П. Рефлексы процесса удлинения гласных звуков в лексике русских говоров (о > а) / Л. П. Михайлова // Севернорусские говоры: Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. — С. 218—249.
33. Михайлова, Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах / Л. П. Михайлова. — Петрозаводск : Изд-во КГПА; Москва : ООО «Вариант», 2013. — 352 с.
34. Нефедова, Е. А. Диалектные лексические микросистемы в ареальном аспекте / Е. А. Нефедова // Аванесовский сборник. К столетию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. — Москва : Наука, 2002. — С. 94—103.
35. Павлова, А. В. Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии : дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Павлова. — Мурманск, 2011. — 260 с
36. Петлева, И. П. К вопросу о g-протетическом в славянских языках / И. П. Петлева // Этимология 1976 / отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва : Наука, 1978. — С. 51—55.
37. Русская диалектология: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др.; под ред. В. В. Колесова. — Москва : Высш. шк., 1990. — 207 с.
38. Чайкина, Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья / Ю. И. Чайкина // Очерки по лексике севернорусских говоров. — Вологда, 1975. — С. 3—187.
39. Шустер-Шевц, Х. Сербо-лужицкие этимологии / Х. Шустер-Шевц // Этимология 1970. — Москва : Наука, 1972. — С. 85—90.

Liubov P. Mikhailova

Petrozavodsk State University,
Institute of Philology,
Associate Professor Russian Language Department,
PhD in Philology

IRREGULAR CHANGES OF LEXIS APPEARANCE OF THE WHITE SEA DIALECTS

Abstract. The article presents lexical variants that function in the White Sea dialects, differing from the original words by separate phonetic features that have arisen as a result of the influence of the languages of the unrelated structural organization. The author confines himself to examples of only some changes in the phonemic composition of the word: in the vowel area — by the transition [o] to [á], accompanied by a change in the accent, in the consonantal area — by the exchange of voiceless-voiced sounds, at the beginning of the word — by simplification of consonant combinations. Brief information on the history of the study of the lexicon of the White Sea dialects is given.

Keywords: dialectology, lexical variants, phonetic processes, etnolinguistic contacts, Northern Russian dialects, etymology.